

Аксиологические особенности концепта «женщина» в произведениях испанской литературы

Е.С. Пасенченко, Луганский государственный педагогический университет, магистрант, ЛНР

Научный руководитель: к.пед.н., доц. О.А.Ширина, ЛНР

Аннотация

В статье проводится анализ средневековой испанской литературы и литературы Испании в Эпоху Возрождения для выявления аксиологических особенностей концепта «женщина». На примере проанализированных литературных произведений рассматриваются аксиологические ориентации испанцев разных времен.

Рассматриваемая как знак, литература принимает активное участие в структурировании ценностей и в развитии культурных процессов, тем самым образуя эстетические парадигмы. Все это и обуславливает классификацию направлений ценностного анализа произведений.

Проведя анализ произведений испанской литературы, мы можем выделить следующие виды ценностей данной культуры:

- социальные – семья, дисциплина, трудолюбие, предприимчивость, богатство, равенство, патриотизм и пр.;
- политические – гражданские свободы, законность, мир, т.д.;
- моральные – добро, любовь, честь, порядочность и др.;
- религиозные – Бог, Священное Писание, вера и пр.;
- эстетические – красота, стиль, гармония и др.

В различные исторические эпохи, в различных странах существовали и существуют самые разнообразные ценностные ориентации. Среди факторов, обуславливающих это: и окружающая природная среда, и способ добывания средств для существования, и политические события и т.д. На определенном этапе ценностные ориентации приобретают системный характер.

Преобразование разнородных ценностных ориентаций в систему ценностей происходит тогда, когда среди них возникают доминирующие ценности, которые определяют, формируют, подчиняют, преобразуют другие мировоззренческие взгляды.

Следует подчеркнуть, что основой науки о ценностях – аксиологии – являются концепты. Концептология, в свою очередь, – это наука о концептах, их содержании и отношениях концептов внутри концептосферы. Важно отметить, что концепты, фиксирующие обобщенные знания человека о мире, являются объектом исследования различных областей знания: когнитивной лингвистики, философии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и других. Концепты, или константы культуры, вечны, они не могут исчезнуть со временем, так как обладают типологическими признаками, свойственными лингвокультуре.

Во всех культурах и во все времена фигура женщины была отведена дому, в котором она была хозяйкой и госпожой. Однако особенности ее характера в каждой нации свои, не похожие на характер жительницы другой страны.

Так, в средневековой эпической литературе мы найдем первичное доказательство того, что женский характер играет второстепенную роль, позволяющую усилить фигуру мужчины. В этой строке мы будем ссылаться на появление женских персонажей в таком испанском героическом эпосе, как «Песнь о моем Сиде»:

Например, его жена (идеальная женщина, ожидаемая спутница героя): Химена играет очень важную роль, особенно своей трогательной молитвой в церкви перед отъездом

Сида. Она связывает нашего героя с ангелом и помещает все его действия в универсальный план, желаемый Богом, и превозносит его фигуру до уровня священного. Мы наблюдаем, как на персонажа, переживающего несчастье изгнания, смотрит и хвалит его жена, которая наполняет его речь любовным зарядом, который сделает этот момент намного более болезненным.

Что касается их дочерей, то здесь мы должны подчеркнуть ценность их происхождения, что делает их предметом вождения инфантов де Каррион.

Каково же тогда место, которое занимают эти персонажи? Они играют ключевую роль в формировании образа героя.

С помощью рассказов мы могли бы сказать, что существует два типа женщин:

а) дева, чистая женщина – определяется религиозной тематикой. В этой группе мы можем найти тип женщины, которая будет представлять себя идеалом, которому нужно следовать, тем самым формируя поведенческие нормы.

Именно благодаря культу Марии в XII веке образ женщины будет возрожден и займет видное место. Можно сказать, что при таком подходе влюбленная женщина – это не просто терпеливый субъект, это правда, что она получает действие, но способна судить, принимать или отвергать. Женщина занимает здесь место феодала, тем самым порождая вассальные отношения, обремененные законами, которые необходимо соблюдать. Идеал красоты, благородство, мягкость определяют ожидаемое поведение.

Образ Девы Марии как посредницы, спасительницы должен превзойти греховный образ Евы. Та идеализация, которая подразумевает любовь к Деве, будет иметь те же характеристики, что и идеализация влюбленной. Таким образом, женщина, влюбленная в Кортеса, обожествляется: «Я Мелибей, и Мелибей мне нравится», – скажет Калисто в «Селестине» [Фернандо де Рохас, 1959. с. 76].

Любовь становится не только рыцарской, но и благородной ценностью, соответствующей религиозному чувству, основанному на целомудрии, искренности, взаимной преданности и, прежде всего, идее верности в любовной преданности.

В соответствии с этими параметрами суждения о любви женщина будет охарактеризована, как мы уже говорили, на две части: достойная быть любимой (идеальная женщина) и недостойная.

Эти произведения, хотя и не полностью, были написаны в подавляющем большинстве мужчинами, поэтому отраженные в них вкусы, взгляды или образцы для подражания соответствуют канонам, продиктованным патриархальной и христианизированной гегемонистской культурой. В этих историях авторы обращаются непосредственно к женщине, пытаясь научить ее, что делать, чтобы стать достойной леди.

б) плотская, нечистая, сексуальная женщина.

На этой другой стороне истории мы находим женщину, которая не соответствует качествам, предназначенным для того, чтобы быть образцом для подражания в этой социальной группе. Она женщина, которая принимает любовника, не подвергая его испытанию, и поэтому ее считают низкой женщиной, в целом литература оставляет этих персонажей женщинам, которые не принадлежат к классу гегемонов, они будут крестьянками или злодейками. Однако у нас есть пример этих женщин в Селестине, где Мелибея принимает Калиста в рыцари, что определит его последствия, перед лицом которых сама Мелибея признает, что ей не следовало возлагать надежды на своего рыцаря.

Несмотря на то, что в XVI веке произошел определенный прогресс в социальном отношении к женщинам, правовая система Эпохи Возрождения (в особенности с 1563 года) закрепляла брак, наряду с заточением в монастыре, как единственный допустимый выход для женщины.

Даже самые передовые эразмисты выступали за послушание и подчинение жены мужу. Они предлагали уважать жену, но советовали ей набраться терпения и смириться, если муж ведет себя неадекватно. Отношение полностью соответствовало искаженному

представлению о женщине. Почти все интеллектуалы того времени считали ее странным, непредсказуемым и опасным существом, которым было удобно управлять.

В Наставлениях для исповедников Сан-Карлоса Борромео прекрасно отражено презрение, которое испытывают по отношению к женщине, когда духовнику советуют «в супружеском конфликте ... никогда не оправдывать мужа перед женой».

Если мы перейдем на другую сторону, то есть в мир протестантов, вопрос не сильно изменился, когда мы прочитали некоторые утверждения, сделанные одним из учеников Кальвина в 1558 году:

«Продвижение женщины противно природе, оскорбляет Бога, является чем-то самым противоречащим ее раскрытой воле... это подрыв хорошего порядка... женщина в своем высшем совершенстве была создана для служения мужчине и подчинения ему...» [Carlos Blanco Aguinaga, 1981. с.215].

В шестнадцатом и семнадцатом веках была построена идеологическая система, которая способствовала подчинению и ограничению всех видов деятельности, которые могла развивать женщина

Столкнувшись с этой вселенной, строго закрытой для женщин, мы найдем каноническую, общедоступную литературу, написанную мужчинами, где женщина становится персонажем с гораздо более сложными профилями, чем те, которые указаны в средневековых текстах.

Так, в работе Лопе-де-Вега «Фуэнте Овехуна» героиня Лауренсия – не типичная милая и влюбленная в своего кавалера дама из театра Лопеско. Она деревенская женщина, высокомерная и независимая, предпочитающая простую деревенскую жизнь и живущая в ожидании своей чести. В процессе Лауренсия узнает, что ее честь во многом зависит от действий мужчин.

В связи с вышесказанным, мы видим, что женщина Эпохи Возрождения действовала не как независимое существо, а за счет другого существа, которое объективирует ее в литературных терминах. Как отметила позже социолог Мария Анхелес Дуран «женщины не участвуют в создании идеологий, но являются их объектом и пассивным получателем» [María Angeles Durán, 1987. с.109].

Кроме того, представление о женщине золотого века напрямую связано с той конструкцией, в которой женщина выражала «вежливую любовь».

Женщины золотого века воспринимались по-разному «не совсем понятными, не совсем предсказуемыми и не совсем контролируемыми». Интересно отметить, что такая же ситуация наблюдается и в ритуале вежливой любви.

Лицемерие такого отношения заключается в том, что его восхищение не соответствует положительной оценке женщины в реальной жизни.

Руис Доменек предупреждает о ловушке, которую эти рассказы означали для женщины, поскольку они «превращают любовь женщины к мужчине в подлинное и единственное женское желание».

На исходе XIX века модернизм с его чувственными женщинами, поколение 98-го, ставшее жертвой социальной дискриминации, и неоромантизм, вдохновляющий девственных женщин-символов угнетенных национальных культур, – уступят место новому формированию мнений.

Испания вступает в европейскую эстетико-социальную динамику измов (футуризм, сюрреализм, дадаизм и т. д.). Возможно, именно в этот период более чем когда-либо литература станет для одних инструментом социального взаимодействия, а для других – художественным и формальным выражением, лишенным политического послания. И в том, и в другом случае философы поколения 14-го года, а также поэты поколения 27-го года больше озабочены экзистенциальными проблемами, в которых главным действующим лицом является человек-в некотором смысле это темы, которые квалифицируются как элитарные, – чем вводить в свои тексты социальные проблемы, которые влияют на людей. другим 50 процентам от 100 процентов человечества, таким как борьба за получение права

голоса. Таким образом, дискуссия по этому вопросу остается за испанскими феминистками того времени; максимум, чего достигают их коллеги-мужчины, – это обсуждать тему равенства в рамках бюджетов биологов, с которыми они приходят к выводу, что есть работа, к которой женщина может быть более подготовлена, чем мужчина, из-за своих физических особенностей. В идеологическом плане аргументы такие же, как и всегда: женщина – синоним матери, а мужчина – синоним интеллекта. Грегорио Мараньон (1887-1960) неоднократно заявляет об этом в своих эссе: «...мужчина всегда будет тем, кто творит Историю. Женщине уготована еще более важная судьба – создавать мужчину» [Carlos Blanco Aguinaga, 1981. с.355].

Таким образом, представленный анализ произведений испанской литературы свидетельствует о том, что ценности, заложенные испанцами в концепт «женщина», на протяжении многих веков были неизменны и описывали женщину прежде всего как хранительницу очага и главным дополнением характера мужчины. В то же время образ женщины распутной, нечистой в произведениях Эпохи Возрождения был основным при описании большинства персонажей женского пола, что иллюстрирует то, на каких же аксиологических особенностях строился концепт «женщина» испанскими писателями того времени в момент написания своих произведений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ершова И.В. «Песнь о моем Сиде»: трансформация эпического героя в контексте средневековой культуры (к постановке проблемы). // Мировое древо. – 2001. – № 8, – 240 с.
2. Рохас Фернандо Де Селестина (Перевод с испанского языка Фанфедь Н.) // Фернандо де Рохас. – М: Государственное издательство художественной литературы. 1959. – 228 с.
3. Carlos Blanco Aguinaga Historia social de la literatura española (en lengua castellana), Madrid, Castalia, 1981, 410 p.
4. María Angeles Durán Literatura y vida cotidiana, Actas de las IV Jornadas de Investigación Interdisciplinar, Seminario de Estudios de la Mujer, Universidad de Zaragoza y Autónoma de Madrid, 1987.